

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606-6251-2023-3/4-194-201

Д.А. Шевелева

О ФИЛОСОФСКОЙ ЭЛИТЕ В РОССИИ (ОТВЕТ НА СТАТЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА)

***Аннотация:** Статья представляет собой содержательный отклик на вышедшую в журнале «Вестник РФО» (№ 1-2 (103-104), 2023 г.) работу Ю.М. Резника «Философская элита в современной России: на пути к консолидации». Представлены размышления, касающиеся формирования и функционирования философской элиты в современной России. Определены как существенные характеристики элиты, так и содержательные границы вхождения в неё (например, аффилиация с учреждением). Предлагается тезис об идейной преемственности основных двух течений в философской мысли России в течение длительного периода: «западников» и «почвенников» (условно); приводится интерпретация понятий «анклавов» и «эксклавов». Автор обращает внимание на критическую необходимость консолидации элиты и философских сообществ в настоящее время.*

***Ключевые слова:** философская элита, философское сообщество, идейное развитие России.*

В журнале «Вестник РФО» было опубликовано размышление Ю.М. Резника о философских элитах в современной России [2], и в этой связи хотелось бы дать на него содержательный отклик, поскольку затронутая тема крайне актуальна для развития философского общества в целом, и в нынешнее время в особенности.

Шевелева Дарья Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, приглашенный преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: dsheveleva@hse.ru

Ю.М. Резник пишет, что проводит свой анализ с позиций «консервативного крыла философского сообщества». На мой взгляд, полнота анализа может быть достигнута, если посмотреть на элитарные философские группы современной России под другим углом зрения. По моему мнению, и та, и другая позиции являются в некоторой степени такой же «шагреновой кожей», о которой пишет автор: от убеждений сложно избавиться, и во многом они определяют взгляды исследователя, закрывая от него значительное количество идей и концепций, не удовлетворяющих его собственным мыслям. Но, думается, что как раз здесь применимо расхожее утверждение о том, что «в споре рождается истина».

Положения, определяющие характерной черты философской элиты, очень важны. И те ключевые моменты, на которых заостряет внимание Ю.М. Резник (например, создание философской энциклопедии, интеграция в международные сообщества, определение трендов развития мысли), действительно служат подтверждением того факта, что у нас *есть* философская элита. К сожалению, иногда в этом сомневаются, используя в качестве аргумента тот факт, что философия не есть естественная черта, присущая русскому народу и российскому государству, а только лишь заимствование и обезьянничание. Здесь я полностью согласна с Ю.М. Резником. Очень многое было сделано в период существования университетской философии в России, а также за ещё больший период развития православной гуманитарной мысли. И преемственность эта нарушалась крайне редко (в качестве радикального нарушения научной преемственности приводится обычно только высылка философов в 1922 г. на «Философском пароходе»).

Обычно же, несмотря на смены режимов, власти, а также несмотря на смену политического вектора развития страны, научная и философская преемственность сохраняются, в т.ч. и поэтому, на мой взгляд, возможно существование философской элиты. Опять же, эта мысль также находит свое отражение в тексте автора: философская элита подразделяется на две группы, которые «исторически воспроизводят отношения “западников” и “почвенников”». Действительно, этому спору нет и не будет конца в ближайшие годы, поскольку позиции и тех, и других сильны. Но

вопрос о существовании и самовоспроизводстве элиты — это вопрос в том числе и о сохранении обеих указанных групп условных «либералов» и условных «консерваторов». И Ю.М. Резник очень верно указывает на то, что необходимо развивать и культивировать «метаплатформы» для диалога, или, вернее, полилога всех участников философского сообщества.

Ю.М. Резник определяет философскую элиту как группу специалистов, которая находится под контролем государственной бюрократии, но, тем не менее, «стремится задавать тренды развития философии», «определяет повестку дня философских дискуссий», «занимает командные позиции научной иерархии сообщества» [2, 10]. Хочется добавить к этому определению ещё и следующее: на наш взгляд, философскую элиту характеризует также наличие научной школы. Элита — это, прежде всего, учителя, основатели школы, которые воспитали многих научных работников, и в какой-то степени «прокладывают дороги». Это, с одной стороны, подтверждение моей мысли о постоянной преемственности, а Юрий Михайлович также отмечает, что элита не назначается сверху, а это процесс, идущий снизу.

И однозначно соглашусь с разделением элиты по признаку центр-периферия [2, 28]. Несколько крупных философских центров страны забирают большинство ресурсов себе, а остальным приходится обходиться имеющимися немногочисленными средствами. Но это разделение обусловлено, скорее, общим «местобитием» российских граждан, тяготением к обеим столицам, нежели какими-то объективными обстоятельствами. Мне кажется, что развивать региональные философские центры необходимо, и чем громче голоса региональных философов — тем больше возможностей для консолидации. Например, в недавно вышедшем томе альманаха «Вопросы социальной теории», посвященном экофилософским перспективам цивилизационного развития России, были представлены значимые работы философов из Уфы, Владивостока, Челябинска, Якутска [1].

Очень выигрышной видится проведенная Ю.М. Резником классификация философских сообществ России. Концепция деления по принципу включенности в общее философско-культурное пространство наиболее адекватно выражает на нынешний момент философскую жизнь в стране.

Добавим, что, действительно, очень многое для существования сообщества, в т.ч. и идейную составляющую, решает вхождение в институализированную элиту или отсутствие такого вхождения. Многие исследователи, действительно, в погоне за эфемерными статусами и административными ролями, к сожалению, попирают декларируемые убеждения. Причем это работает как в стане условных «либералов», так и в стане условных «консерваторов». Особенно это отчетливо видится в переломные моменты, когда меняются строй и, следом, политическая парадигма (такие процессы происходили и после Октябрьской революции, и после распада Советского Союза, происходят они и сейчас). Возникает вопрос, с чем это связано: с идейной неустойчивостью, стремлением к обогащению и статусам, с погоней за модой, как и пишет Юрий Михайлович [2, 17], или с другими социальными процессами? Однозначно можно сказать только то, что, например, идеологическое воспитание молодежи полностью построено на следовании текущей политической конъюнктуре. Но должна ли определять идеология собственно философствование? Нам думается, что в этом и заключается основная проблемная точка для того, чтобы в условиях цивилизационных вызовов государству, если принять их как данность, философская элита (элиты) могла бы консолидироваться.

И ещё согласимся с мыслью о том, что, маргинальные ветви философских сообществ (последователи В.И. Вернадского, например) не могут сейчас претендовать на то, чтобы быть услышанными в тех кругах, которые определяют политическую парадигму, — именно в силу того, что являются эксклавами. Что мешает этим обществам стать анклавом, быть включенными в общее пространство? Думается, что это не только и не столько радикальное прочтение идей, сколько закрытость самого философского пространства. Основным и очевидным признаком «профессионального» философствования является аффилиация с учреждением, что приводит к ещё большей закрытости сообщества.

Философы и мыслители, относящие себя к философам, не имеющие трудовых отношений с учреждением, сталкиваются с трудностями корпоративного характера (например, обязательность аффилиации для публикации). И возникает вопрос о водоразделе «философствования как призвания» и «профессиональ-

ного философствования». Нам кажется, что проблема элитарности философских сообществ тесно соотносится с вопросом «допуска» мыслителя в философское пространство. И именно поэтому последователи В.И. Вернадского или приверженцы идей советской или экологической цивилизации и находятся в статусе эксклавов или полуэксклавов, как пишет Юрий Михайлович: им трудно найти место в корпоративно-цеховой философской сети философов по стране, поскольку сеть философских анклавов России ориентирована на корпоративно-буржуазный вектор и тяготеет к объединённой консервативно-западнической платформе [2, 40].

Философская элита действительно носит корпоративный характер, и больше имеет общего с цехом, нежели с дискуссионной площадкой. И хотя идейно-ценностное деление характерно для корпоративной элиты, однако именно включённость в пространство гарантирует право быть услышанным, публиковаться, иметь научную школу, и быть вхожим в «цех». И дальше в дело вступают организационно-номенклатурные возможности отдельных исследователей, вокруг которых собираются школы и элитарные группы. По этой причине и нет на нынешний момент у эксклавов типа панславистов или сторонников Вернадского, возможностей организовать сильные группы и стать анклавами.

Возникает вопрос, касающийся происхождения нынешних элит внутри более или менее авторитарных рамок советской философской школы. То есть, почему после распада Советского Союза образовались столь непохожие группы, причем из людей более или менее схожих по возрасту? Ведь школа была для всех одна. Причем речь сейчас даже не про распределение по анклавам и эксклавам. Речь, скорее, именно про смысловую разницу: возникновение разных по взглядам элитарных групп связано с тем, что, помимо ориентации на политику государства они обусловлены вседозволенностью печатного слова в начале 1990-х гг. И в зависимости от личных предпочтений или даже каких-то исторических семейных обстоятельств формируется литературный массив, который находит отклик у конкретного мыслителя.

Возможно, действительно, 1990-е гг. переоценены с этой точки зрения. Но не учитывать этот факт не стоит, поскольку именно печатное слово, доступность тех или иных переводных,

а также отечественных книг, напрямую влияет на вектор развития философской мысли у конкретного исследователя, а также на вектор развития философского сообщества в целом.

Не могу согласиться с Юрием Михайловичем в том, что философские мысли Запада – только лишь модные крючки [2, 46]. С одной стороны, закономерно увидеть в работах, развивающих западные философские «модернистские» концепции, их переосмысление сквозь призму нашей собственной идентичности. С другой же, векторы развития философской и социально-политической мысли развивались параллельно в течение последних трех сотен лет, и нынешняя ориентация на западную парадигму философствования лишь подчеркивает, что наше и западное общества интересуют одинаковые проблемы. Поэтому, кажется, что тенденция «прагматических интересов», на которую указывает Юрий Михайлович, это по большей части тенденция «вписать» в нашу собственную цивилизационную концепцию те вопросы и проблемы, которые объективно сопутствуют технологическому развитию страны. Закономерно, что в современном мире философов волнуют вопросы цифровизации – и также закономерно, что в этих условиях сторонники ноосферных проектов или проектов, связанных с Гипербореей, оказываются эксклавами.

Философы часто (заметим, почти всегда) размышляют ретроспективно, реагируя на уже происшедшие события: социально-политическое изменение, научное открытие, технологический прорыв и т.п. И именно в этом смысле философской элите в современной России, на наш взгляд, лишь предстоит осмыслить события последней четверти XX в. и первой четверти XXI в. Но думается, что она слишком корпоративна для того, чтобы проекты последователей Г.П. Щедровицкого или В.И. Вернадского получили статус анклавов.

К сожалению, кажется, что философы и мыслители младшего поколения, получивших постсоветское образование, в силу отсутствия единой идеологии, если можно так сказать, будут более нетерпимы друг к другу. Мне кажется, что общей платформой могло бы стать сильное идейно государство, карающее за инакомыслие. Но реализация такого сценария повлечет за собой очередные философские пароходы и отъезды. Или же инакомыслящие уйдут в подполье. И судьба их – эксклавы (хотя, сто-

ит отметить, что панслависты и гиперборейцы сейчас могут спокойно публиковать свои работы, равно как и крайние западники или консерваторы).

Именно поэтому актуальность темы консолидации нашей философской элиты, рассматриваемой на всех уровнях и по всем измерениям – от географического до идейно-ценностного) повышается с каждым годом и не вызывает сомнения тот факт, что на место тех, кто движет философией сегодня, обязательно придут, кто будет ещё более раздроблен. С одной стороны, наличие множества философских эксклавов – это неплохо для обеспечения плюрализма мнений и идей, а с другой – создание общей площадки, общей платформы для воспроизведения этих идей – это гарантия того, что у философской элиты будущей России есть возможность быть услышанной как внутри страны, так и за её пределами. И плюрализм мнений здесь необходим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вопросы социальной теории: научный альманах / Под общ. ред. Ю.М. Резника. – Том XV. – 2023. – М.: Изд-во НИГО, 2023. – 260 с.
2. Резник Ю.М. Философская элита в современной России: на пути к консолидации // Вестник РФО. – 2023. – Вып. 1-2 (103-104). – С. 5-47.

D.A. Sheveleva

ON THE PHILOSOPHICAL ELITE IN RUSSIA (RESPONSE TO THE ARTICLE BY Yu.M. REZNIK)

Higher School of Economics, Saint-Petersburg. E-mail: dsheveleva@hse.ru

***Abstract:** The article is a meaningful response to the work of Yu.M. Reznik “The philosophical elite in modern Russia: on the way to consolidation” published in the journal “Bulletin of RPhS” (No. 1-2 (103–104), 2023). The reflections concerning the formation and functioning of the philosophical elite in modern Russia are presented. Both the essential characteristics of the elite and the content boundaries of entry (for example, affiliation with an institution) are defined. The thesis on the ideological continuity of the main two trends in the philosophical thought of Russia for a long period (conditionally they are “Westernism” and*

“Pochvennichestvo”) is proposed; the interpretation of the concepts of “enclaves” and “exclaves” is given. The author draws attention to the critical need to consolidate the elite and philosophical communities at the current moment.

Keywords: *philosophical elite, philosophical community, ideological development of Russia.*

REFERENCES

1. Voprosy sotsial'noi teorii: nauchnyi al'manakh / pod obshch. red. Yu.M. Reznika. – Tom XV. – 2023.– М.: Izd-vo NIGO, 2023. – 260 s.
2. *Reznik Yu.M.* Filosofskaya elita v sovremennoi Rossii: na puti k konsolidatsii // Vestnik RFO. – 2023. – Вып. 1-2 (103-104). – S. 5-47.

Поступила в редакцию 23.10.2023 г.